

УДК 316.4; 314.7

© 2015 г.

Д.Н. Стукалова

**УПРАВЛЕНИЕ КОНФЛИКТОГЕННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ
МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ КАК ПРЕДМЕТ
НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Стукалова Дарья Николаевна – аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, e-mail: dar.stukalova@gmail.com

Аннотация. В данной научной статье автор проводит анализ исследований социологической науки, посвященных конфликтогенному потенциалу миграционных потоков, факторам его возникновения и практикам управления. Кроме того, автор анализирует работы исследователей на тему специфики миграционных процессов на Юге России. На основании проведенного анализа автор делает вывод о том, что отдельные аспекты управления конфликтогенным потенциалом миграционных потоков в полиэтнических регионах (например, на Юге России) не получили освещения в социологической науке. Следовательно, дальнейшее изучение конфликтогенного потенциала миграции на Юге России актуально и перспективно на сегодняшний день.

Ключевые слова: конфликтогенный потенциал, управление конфликтогенным потенциалом, миграция, полиэтничный регион.

Ситуация в современном российском обществе складывается таким образом, что управление миграционными потоками во все большей мере приковывает к себе научно-исследовательский интерес. В современной научной социологической литературе рассматриваются различные аспекты, связанные с управлением конфликтогенным потенциалом миграционных потоков в России. Особое внимание исследователей привлекают следующие вопросы: 1) причины конфликтогенного потенциала миграционных потоков в России (Л.М. Дробижева, Ю.В. Арутюнян, М.В. Савва, А.В. Дмитриев, В.А. Мукомель) [14,

1, 13, 21, 9, 17]; 2) факторы, оказывающие воздействие на конфликтогенный потенциал (А.В. Дмитриев) [8].

В современной социологической науке конфликтогенность миграции связывают с различными причинами. Так, одни исследователи считают, что конфликтогенность миграции обусловлена этнокультурной и этноконфессиональной несогласованностью и противоречием между мигрирующим и локальным населением [14, 13, 1, 20]. Другие, исследуя природу межэтнических конфликтов, связывают их с полиэтничностью региона, социальной и экономической дифференциацией, обострением ксенофобии. В частности, М.В. Савва определяет миграцию как одну из острейших региональных проблем, акцентируя внимание на том, что современное общество имеет мифологизированное представление о миграционных процессах [21].

Еще одна группа ученых выделяет две определяющие причины конфликтогенной природы миграционных процессов. Во-первых, рост антимигрантских настроений исследователи объясняют реструктуризацией экономических и социальных отношений в обществе. В этом случае местное население видит в мигрантах корень всех своих бед.

Во-вторых, причиной выступают сами этнические меньшинства. Их маргинальное положение в большинстве случаев провоцирует их на сепаратизм и изоляцию, что вызывает недовольство со стороны этнического большинства. В лучшем случае мигранты мобилизуются во имя сохранения своей культуры и признания ее самобытности, но и такая практика отрицательно расценивается принимающей стороной [9].

Некоторые исследователи, изучая конфликтогенность миграции, связывают ее с неприязнью к мигрантам со стороны принимающего населения [17, 6]. При этом можно выделить ряд факторов, формирующих в сознании местного населения враждебное отношение к переселенцам. Во-первых, это социально-экономический кризис, безработица, высокий уровень трудоспособности и более низкие претензии к условиям труда и уровню заработной платы со стороны мигрантов, которые формируют у принимающего населения установку потенциальной конкуренции с ними.

Во-вторых, система социальной поддержки мигрантов (социальная помощь, выплаты и льготы) также выступает предпосылкой мигрантофобских настроений.

В-третьих, миграционные процессы усиливают локально-идентификационные тенденции. Это приводит к обострению межличностных отношений между местными жителями (своими) и мигрантами (чужими). Особую роль при этом играет численность мигрантов,

особенность их расселения в принимающем регионе, а также их этническая принадлежность.

В-четвертых, миграционные процессы сопровождаются повышением уровня криминогенности в регионе, ростом преступности и даже эскалацией вооруженного насилия.

Однако часто ожидание неприятия, враждебности не соответствует реальности, но играет большую роль в прогнозировании и формировании поведенческих реакций мигрантов, а также настраивает их на борьбу и самоутверждение. В этом случае представители прибывающего этноса проявляют агрессию по отношению к окружающим, при этом характер агрессии – активный или пассивный, прямой или непрямой – не зависит от того, как в действительности ведет себя принимающий социум.

При этом исследователи, в частности, В.И. Мукомель, изучая конфликтогенность миграционных процессов, большую часть ответственности в формировании враждебных настроений по отношению к мигрантам возлагают на СМИ. Автор пишет, что СМИ характерно «игнорирование мнений экспертов, ретрансляция информации стереотипов обыденного сознания – с его глубоко укоренившимися ксенофобными настроениями», что в результате «ведет к преобладанию негативных оценок миграции и в результате – к эскалации мигрантофобии» [18].

Важно обратить внимание на труды ученых, связанных с исследованием факторов конфликтогенного потенциала миграционных потоков. Отмечается, что в условиях концентрации экономических и политических ошибок все большую роль начинают играть социокультурные, точнее, этнокультурные факторы: они опосредуют, особенно на уровне повседневности, действие экономических мотивов, формируют образы своего, иного, врага. Особую роль в культуре играет стилистика повседневности, определяющая демонстративное бытовое поведение, создающая эмоциональный фон для одобрения или осуждения, для проявления тех или иных стереотипов [11].

Большое внимание в современной литературе уделяется отдельным аспектам управления конфликтогенным потенциалом миграционных потоков в России в целом (А.В. Дмитриев) [11].

Отмечается, что проблема управления конфликтогенностью миграционных потоков должна решаться на уровне государства, а не отдельных регионов. Те исследования и управленческие решения, которые время от времени имеют место быть в некоторых регионах и касаются каких-либо отдельных случаев и фактов, не решают проблему

конфликтогенности миграции в целом. «Нынешнее российское научное сообщество нуждается в том, чтобы хоть как-то соединить воедино все случаи приведённых исследований с целью извлечь главные уроки из имеющихся конфликтов и ввести их в нормативные рамки институтов развития» [10].

Кроме того, А.В. Дмитриев утверждает, что только грамотная государственная политика способна минимизировать риски конфликтных взаимодействий местного населения и мигрантов. Однако качественное решение этой задачи невозможно без инициативы институтов гражданского общества, без углубленного исследования назревших проблем и формирования соответствующего общественного мнения [11].

Таким образом, исследователи приходят к общему выводу о том, что основными предпосылками конфликтогенности миграции являются социальные, социально-экономические, этнические, культурные, конфессиональные. Но все эти предпосылки носят этническое измерение. Учет этих факторов имеет большое значение при управлении конфликтогенным потенциалом миграции, который может осуществляться с учетом системного характера этих предпосылок, способных породить межэтническое противоречие.

В социологической науке в последнее время получили развитие следующие аспекты, связанные с изучением управления конфликтогенным потенциалом на Юге России: 1) причины и специфика конфликтогенного потенциала миграционных потоков на Юге России (В.В. Черноус, А.В. Лубский) [15, 16]; 2) зависимость уровня конфликтогенности от уровня комплиментарности этноинститутов региона (Ф.А. Барков, А.В. Сериков) [4]; 3) факторы конфликтогенного потенциала миграции в Северо-Кавказском регионе (В.Н. Петров, Г.С. Денисова) [19, 7]; 4) роль СМИ в увеличении конфликтогенного потенциала межэтнических взаимодействий (А.В. Бедрик) [5]; 5) практики управления конфликтогенностью взаимодействия мигрантов и местного населения (на примере Ставропольского края) (М. Аствацатурова) [2].

Одни исследователи считают, что межэтнические противоречия имеют исторические корни и связаны с отрицательным опытом этнических взаимоотношений. Так, В.В. Черноус, характеризуя отношения русского и северокавказских этносов, пишет об утрате после распада СССР в массовом сознании на Северном Кавказе авторитета русской культуры, а также подчеркивает, что «основой национального самосознания является история, историческое самосознание» и обращает внимание на роль последствий военного противостояния с Россией в современных межэтнических противоречиях [15].

Существует точка зрения, согласно которой конфликтогенность миграции вызвана тем, что прибывающее население заведомо настроено на агрессивное поведение со стороны принимающего социума. Поэтому поведение мигрантов обусловлено опасением или даже фобией этнической ассимиляции, что проявляется во взрыве их этнической идентичности, ее чрезмерной демонстрации. В связи с этим А.В. Лубский обращает внимание на северокавказские этносы, которым свойственны повышенная значимость этнической идентификации и стремление выставить ее напоказ вследствие сложной этнической структуры и незавершенности процессов нациестроительства в регионе [16].

Отдельные исследователи утверждают, что уровень конфликтогенности миграционных потоков зависит от комплиментарности и антагонизма между этноинститутами принимающего населения и этноинститутами мигрантов. Поэтому при изучении конфликтогенного потенциала миграции важно оценивать консолидированность, устойчивость местного социума и его способность интегрировать прибывающее население, а также степень готовности мигрантов к социальной адаптации и интеграции. При этом степень такой готовности зависит от «силы этноинститутов прибывающего населения, способности этногрупп мигрантов к консолидации или анклавизации, авторитета их собственных этноинститутов» [4].

СМИ также усугубляют конфликтогенность миграции. Транслируя ксенофобские и мигрантофобские установки, СМИ препятствуют возможному успешному межкультурному диалогу между прибывающим и местным населением. Так, А.В. Бедрик пишет: «Фактически СМИ выступают инструментом социальной стигматизации...» [5].

Наиболее значимыми факторами, обуславливающими конфликтогенный потенциал миграционных потоков на Юге России, считаются:

1) геополитический фактор. Специфика географического положения региона на стыке цивилизаций препятствует социокультурной интеграции исламской северокавказской части региона в христианскую русскую часть;

2) исторический фактор. Историческая память о депортации некоторых народов региона – причина случаев отсутствия толерантного культурного диалога в регионе;

3) административно-территориальный фактор. Административные и этнические границы не всегда совпадают в регионе, что порождает ряд земельных вопросов и претензий у народов друг к другу. Кроме того, постоянный рост населения в северокавказской части при ужимании территории для жизнедеятельности и ведении сельскохо-

зяйственных работ, а также сокращении природных ресурсов – еще один повод для конфликтов и противоречий между мигрантами и коренным населением региона;

4) социокультурный и политический фактор. Регион включает в себя народы, которые отличаются по политическому статусу, уровню социальной жизни, а также являются носителями резко различающихся культур [7].

Некоторые исследователи, изучая специфику конфликтогенности миграционных потоков на Северном Кавказе, связывают ее с направлениями этих потоков. То есть в зависимости от того, идет ли поток мигрантов из гор на равнину, из сельской местности в город или из любой республики Северного Кавказа в другую часть региона, страны или за границу, будет меняться характер конфликтогенности. Так, если во втором и третьем случаях конфликтогенность в большей степени связана с трудностями адаптации горцев к новой для них культурно-поведенческой среде, то конфликтный потенциал миграции с гор на равнину, прежде всего, обусловлен конкуренцией за один и тот же земельный ресурс между «коренными» и «пришлыми» этническими сообществами. Таким образом, отмечается, что определяющими для характера конфликтогенности выступают земельный и этнополитический факторы. Сторонники такой точки зрения, в отличие от предыдущей группы ученых, считают, что этнические и культурные различия, в сущности, не влияют на успех адаптации мигрантов и возможность совместного проживания представителей различных этносов на одной территории региона. В.К. Петров пишет: «Именно это актуализирует этнический аспект земельных отношений, связывает “землю кровью”, создает предпосылки перерастания земельных конфликтов в межэтнические» [19].

Ввиду того, что причины конфликтогенности кроются в социокультурной самобытности региона, то снижение конфликтогенного потенциала и стабильность в межэтническом взаимодействии достигаются путем эффективного управленческого воздействия на само межэтническое взаимодействие. При этом комплекс управленческих мер должен учитывать такие характеристики региона, как этнокультурные, этноконфессиональные, этнополитические. На примере Ставропольского края М.А. Аствацатурова доказывает, что успешный результат действительно может быть достигнут посредством эффективных политических мер. «В отсутствие открытых конфликтов, залповой миграции, упрочения отношений региона и федерального центра целесообразны новые усилия власти, местного самоуправления, гражданского

общества, институтов церкви, политических организаций по стабилизации и развитию региона. Здесь актуальны как непосредственные, так и опосредованные воздействия на сферу межэтнических отношений». Политическое управление межэтническими и межконфессиональными отношениями осуществляется через законотворчество, принятие ряда политических программ, образование соответствующих структур исполнительной власти, способствование взаимодействию органов власти и управления с национально-культурными общественными организациями и национально-культурными автономиями, а также сотрудничество органов власти и управления с институтами церкви [3].

Итак, большая часть экспертов как на уровне России, так и на уровне регионов выделяет в качестве потенциально конфликтогенных проблемные этнические категории мигрантов (среднеазиаты, китайцы, закавказцы и др.), проблемные регионы, как отдающие, так и принимающие население (Дальний Восток, мегаполисы), а также проблемные социально-экономические характеристики некоторых потоков мигрантов (неквалифицированная рабочая сила, наркотрафик, торговля живым товаром, преступность и т.д.) [11]. Мнения экспертов по поводу снижения потенциала конфликтогенности, связанной с притоком иммигрантов, в чем-то сошлись, а в отдельных частностях не совпали, что объясняется региональными различиями.

Несмотря на то что отдельные аспекты, связанные с изучением конфликтогенного потенциала миграции на Юге России, уже получили теоретическое осмысление в социологической литературе, целый ряд вопросов остается спорным и нерешенным. Речь идет, в частности, о соотношении тех или иных причин конфликтогенности миграции, о значении ментальных программ мигрантов и принимающего населения, о технологиях управления конфликтогенным потенциалом миграции в регионе, что определяет актуальность и направление дальнейшего изучения конфликтогенного потенциала миграционных процессов на Юге России.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007. 271 с.
2. Аствацатурова М.А. Северный Кавказ: перспективы и риски (Трансформация регионального этнополитического пространства). М., 2011. С. 192.
3. Аствацатурова М.А. Управление в полиэтничном регионе: современное состояние и перспективы // Симпозиум 3. Соци-

References

1. Arutiunian Ju.V. Moskichi. Etnosociologicheskoe issledovanie. M., 2007. 271 s.
2. Astvatsaturova M.A. Severnyi Kavkaz: perspektivy i riski (Transformativnoye regional'nogo etnopoliticheskogo prostanstva). M., 2011. S. 192.
3. Astvatsaturova M.A. Upravlenie v polietnichnom regione: sovremennoye so-stoianie i perspektivy // Simpozium 3. So-tzial'no-ekonomicheskoe, politicheskoe i dukhovnoe

ально-экономическое, политическое и духовное развитие России: актуальные проблемы истории и современности. 2007. 7 с.

4. Барков Ф.А., Сериков А.В. Этноинституциональные факторы межэтнических отношений в контексте миграционных процессов в Ростовской области // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 129–140.

5. Бедрик А.В. Конфликтотенный потенциал СМИ в процессах адаптации этнических мигрантов // Научные исследования: от теории к практике : материалы IV Международ. науч.-практ. конф. 2015. С. 164–166.

6. Дегтярев А.К. Управление миграционными потоками в США: политика снижения конфликтотенного потенциала // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология». 2015. № 4.

7. Денисова Г.С., Радовель М.Р. Этносоциология : учеб. пособие для студентов. Ростов н/Д., 2000. 280 с.

8. Дмитриев А.В. Конфликтный потенциал иммиграции // Социальная политика и социология. 2013. № 2, т. 2. С. 7–21.

9. Дмитриев А.В. Конфликтотенность миграции: глобальный аспект // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 4–13.

10. Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. Изд. 2-е. М., 2007. 432 с.

11. Дмитриев А.В., Карабущенко П.Л., Клочков Г.В., Усманов Р.Х. Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях. Астрахань, 2010. 233 с.

12. Дмитриев А.В., Слепцов Н.С. Конфликты миграции. М., 2004. С. 173–176.

13. Дробизжева Л.М. Социология межэтнической толерантности. М., 2003. 222 с.

14. Дробизжева Л.М. Этническая солидарность, гражданская консолидация и перспективы межэтнического согласия в Российской Федерации // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 119–129.

15. Ксенофобия на Юге России: сепаратизм, конфликты и пути их преодоления // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК при РГУ. Вып. 6 /

razvitie Rossii: aktual'nye pro-blemy istorii i sovremennosti. 2007. 7 s.

4. Barkov F.A., Serikov A.V. Etnoinstitutsional'nye faktory mezhetnicheskikh otnoshenii v kontekste migratsionnykh protsessov v Rostovskoi oblasti // Gumanitarii Iuga Rossii. 2014. № 3. S. 129–140.

5. Bedrik A.V. Konfliktogennyi potentsial SMI v protsessakh adaptatsii etnicheskikh migrantov // Nauchnye issledovaniia: ot teorii k praktike : materialy IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2015. S. 164–166.

6. Degtiarev A.K. Upravlenie migratsionnymi potokami v SShA: politika snizheniia konfliktotennogo potentsiala // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriiia «Regionovedenie: filosofiiia, istoriia, sotsiologiiia, iurisprudentsiia, politologiiia, kul'turologiia». 2015. № 4.

7. Denisova G.S., Radovel' M.R. Etnosotsiologiiia : ucheb. posobie dlia studentov. Rostov n/D., 2000. 280 s.

8. Dmitriev A.V. Konfliktnyi poten-tzial immigratsii // Sotsial'naia politika i sotsiologiiia. 2013. № 2, t. 2. S. 7–21.

9. Dmitriev A.V. Konfliktotennost' migratsii: global'nyi aspekt // Sotsiologicheskie issledovaniia. 2004. № 10. S. 4–13.

10. Dmitriev A.V. Migratsiia: konflikt-noe izmerenie. Izd. 2-e. M., 2007. 432 s.

11. Dmitriev A.V., Karabushchenko P.L., Klochkov G.V., Usmanov R.Kh. Iug Rossii v migratsionnom i etnokonfliktnom izmereniiakh. Astrakhan', 2010. 233 s.

12. Dmitriev A.V., Sleptsov N.S. Konflikty migratsii. M., 2004. S. 173–176.

13. Drobizheva L.M. Sotsiologiiia mezhetnicheskoi tolerantnosti. M., 2003. 222 s.

14. Drobizheva L.M. Etnicheskaia solidarnost', grazhdanskaia konsolidatsiia i perspektivy mezhetnicheskogo soglasiia v Rossiiskoi Federatsii // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 1. S. 119–129.

15. Ksenofobiia na Iuge Rossii: separatizm, konflikty i puti ikh preodoleniia // Iuzhnorossiiskoe obozrenie Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovaniia i prognozirovaniia IPPK pri RGU. Vyp. 6 / otv. red. V.V. Chernous. Rostov n/D., 2002. 220 s.

16. Lubskii A.V. Konfliktotennye faktory na Iuge Rossii: metodologiiia is-sledovaniia i

отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2002. 220 с.

16. *Лубский А.В.* Конфликтотгенные факторы на Юге России: методология исследования и социальные реалии / отв. ред. В.В. Черноус. Ростов н/Д., 2005. 192 с.

17. *Мукомель В.И.* Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. 2011. № 1. С. 34–50.

18. *Мукомель В.И.* Российские дискуссии о миграции: «нулевые годы» // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2011. Вып. 10 / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2011. С. 86–108.

19. *Петров В.К.* Размышления о Северном Кавказе и не только... Часть VII. Земельный вопрос. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/283719> (дата обращения: 11.08.2015).

20. *Посухова О.Ю., Сериков А.В., Черноус В.В.* Политика мультикультурализма в США: оценка эффективности и возможности имплементации в российских условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные наук. 2015. № 11.

21. *Савва М.В.* Конфликтный потенциал межэтнических отношений на Северном Кавказе. URL: http://mvsavva.ru/wp-content/uploads/2013/04/Savva_2004-2.doc (дата обращения: 05.09.2015).

sotsial'nye realii / отв. red. V.V. Chernous. Rostov n/D., 2005. 192 s.

17. *Mukomel' V.I.* Integratsiia migran-tov: vyzovy, politika, sotsial'nye prak-tiki // Mir Rossii. 2011. № 1. S. 34–50.

18. *Mukomel' V.I.* Rossiiskie diskur-sy o migratsii: «nulevye gody» // Rossiia reform-iruiushchaisia: Ezhegodnik-2011. Vyp. 10 / отв. red. M.K. Gorshkov. M., 2011. S. 86–108.

19. *Petrov V.K.* Razmyshleniia o Severnom Kavkaze i ne tol'ko... Chast' VII. Zemel'nyi vopros. URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/283719> (data obrashche-niia: 11.08.2015).

20. *Posukhova O.Iu., Serikov A.V., Chernous V.V.* Politika mul'tikul'turalizma v SShA: otsenka effektivnosti i vozmozhnosti implementatsii v rossiiskikh usloviiakh // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauk. 2015. № 11.

21. *Savva M.V.* Konfliktnyi potentsi-al mezhethnicheskikh otnoshenii na Severnom Kavkaze. URL: http://mvsavva.ru/wp-content/uploads/2013/04/Savva_2004-2.doc (data obrashcheniia: 05.09.2015).